

«"Архимед" Вовки Грушина» (Юрий Сотник, 1939)

Я решил записать эту историю потому, что, когда Вовка станет знаменитым, она будет представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из Вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так.

Андрюшка, его соседка Галка и я готовились к экзамену по географии. Мы сидели в комнате у Андрюшки. Нам очень не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, а у подоконника на карнизе прыгал воробей, чирикал и точно говорил нам: "Не поймать, не поймать вам меня!" Но мы даже не обращали внимания на воробья и спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с треском распахнулась дверь комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул. Воробей в испуге слетел с подоконника... Это пришел Вовка Грушин. Он прищурил свои близорукие глаза и громко спросил:

– Готовитесь?

Вовка, маленький, востроносый, со стриженной под первый номер головой, сам походил на воробья, который мешал нам заниматься. Галка сердито уставилась на него и очень строго ответила:

– Да, готовимся.

– А мне некогда готовиться, – сказал Вовка.

– Ну и провалишься! – буркнул Андрюшка.

– А мне некуда больше проваливаться. Я и так уже провалился по двум предметам!

Галка так и заерзала на своем стуле:

– И он еще радуется!

Вовка вздернул острый, успевший облупиться от загара нос:

– А ты почему знаешь? Может, мне стоило получить переэкзаменовку.

Галка уставилась на Вовку:

– Это ради чего же стоило?

– Ну, хотя бы ради одного изобретения.

– Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым.

– Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна. Мы знали это и не стали расспрашивать. Он быстро, огромными шагами начал ходить по комнате.

– Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы, мои сломались. Это, понимаешь, такое изобретение, такое изобретение!.. Я сегодня еду на дачу... буду там работать. Досада – средств не хватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите, все газеты будут полны!.. Где достать трубу метра в три длиной? Не знаете? Жаль!.. На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

– Самолет? – спросил Андрюшка, передавая Вовке плоскогубцы.

– "Самолет"! Чудак ты... Получше будет!.. Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык. Галка спросила его с надеждой:

– А тебе, наверно, здо-орово попало за то, что ты получил переэкзаменовку?

– Попало... Главное, не надо никакого топлива!.. Ну, пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете?.. А я не поеду. Родные послали, а я наотрез отказался.

– А за это попало? – спросила Галка.

– Ну и что ж! – отвечал Вовка. – Я все равно отговорился. В лагере мне нельзя работать.

– А в техкружке?

– Чепуха! В техкружке всякие модельки строят, а у меня – мировое дело... Ну, пока! Пошел. Да!.. Чуть не забыл! Мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не болтайте никому. Это такое дело, такое дело!..

Размахивая руками, Вовка пятился к двери, пока снова не ткнулся в этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюст Архимеда. Вовка подхватил его на лету.

– Это кто? – спросил он.

– Архимед, – ответил Андрюшка.

– Гм! Архимед... Архимед... Это, наверно, какой-нибудь знаменитый человек... – Вовка помолчал, разглядывая бюст. – У него симпатичное лицо, у этого Архимеда. О! Вот увидите, это имя благодаря мне станет дважды знаменитым!

– Не какой-нибудь знаменитый... – начал было Андрюшка, но Вовка уже скрылся.

Галина постучала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас имелись две плоскодонные лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсера "Аврора" и "Марат".

С боков у лодок были сделаны гребные колеса, которые приводились в движение руками. На носу у каждого крейсера возвышалась броневая башня из фанеры. Там мог поместиться человек, если сидеть на корточках.

Иногда мы устраивали морские игры. Происходило это так. Человек восемь занимали места на "Авроре" и десяток – на "Марате". Все вооружались жестяными кружками.

Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубиной. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и выплескивали ее в "противника". Дым стоял коромыслом! Каждую секунду десятки кружек воды выплескивались в лодки; на обоих берегах орали ребята, разделившиеся на "красных" и "синих". Кончалось тем, что одна из лодок шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный "крейсер" всплывал и его уводили победители.

В тот день я был на "Авроре". "Марат" подошел вплотную и взял нас на абордаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. "В живых" остались только Галина и я. Мы бросились удирать. Голосащий "Марат" следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстая Галка пыхтела на корме и плескалась из кружки, целясь в лицо капитану "Марата".

Вдруг капитан "Марата" взял длинную веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на Галку. Та закричала. Не разобрав, в чем дело, я завертел колеса еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели!

Я перестал вертеть колеса. "Марат" подошел вплотную. Капитан его заявил, что берет нас в плен. "Неприятельские" матросы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

– Все в порядке, – сказал мне капитан. – Принимай буксир!

Но тут мы услышали, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся: это был Вовка Грушин. Он отплевывался и тихонько ругался.

– Вовка? Ты откуда?

– Из воды, – ответил он. – Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его!

По речке медленно плыли два плохо связанных бревна...

"Марат" подошел к лагерю. За ним на буксире тащились "Аврора" и Вовкин плот.

Капитан "Марата" рапортовал начальнику штаба "синих":

– Крейсером "Марат" под моей командой захвачено неприятельское судно "Аврора" вместе с остатками экипажа. Кроме того, арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера.

Старшая вожатая Леля поманила Вовку к себе:

– Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда! Вовка подошел. Их окружили ребята.

– Скажите мне, подозрительная личность, вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

– Два километра.

– А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде? – Я не забыл. Я просто очень занят.

– Чем, позвольте спросить?

– Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь!

– Да, я не понимаю, – серьезно сказала Леля. – Я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет проучился... Ну, скажи мне, что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себе по животу:

– Это тайна.

Ребята тихонько засмеялись.

Леля хотела удержать Вовку, но он ушел, пообещав прийти на днях.

Прошло уже две недели, а Вовка не появлялся.

Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и наконец постановили снарядить экспедицию для розысков Вовки, которая должна его доставить в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день утром мы запаслись бутербродами и тронулись в путь.

В двух километрах от лагеря было три поселка. Мы не знали, в каком из них живот Вовка. Но нам повезло: в первом же поселке в саду одной из дач мы увидели на ветке березы оранжевые Вовкины трусы и тут же услышали голос его матери. Она издали закричала нам:

– Наконец-то пожаловали! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут!

Мы растерянно переглянулись. Я начал было:

– Как... а разве...

Но Галка толкнула меня в бок. Ничего не понимая, я замолчал.

– Что он у вас там делает? – спросила Вовкина мама. Галина, размахивая руками, стала смущенно объяснять:

– Да-а... вообще... Вы же знаете... У нас там очень интересно... Всякие игры, и все такое...

Вовкина мама как-то странно на нас посмотрела и больше ни о чем не расспрашивала. Она хотела угостить нас земляникой, но мы поблагодарили ее и ушли.

По дороге в лагерь мы долго шли молча. Наконец Галина сказала:

– Факт! Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать где-то над своим изобретением. Интересно...

Она не договорила. В конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюшка. Он быстро семенил нам навстречу. Подойдя к нам, он отрывисто сказал:

– Вышел вас встречать. Получил письмо от Грушина. Я взял у Андрюшки письмо и стал читать вслух:

– "Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке, как своим близким друзьям. Сегодня в полночь решается моя судьба. Я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свои сбережения и ради которого, может, останусь на второй год.

Мне нужна ваша помощь, и, если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои броненосцы и ровно в полночь приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль – "Архимед".

Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь сболтнете, это будет подлость с вашей стороны.

Грушин".

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюшка проговорил:

– А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андрюшка вспомнил историю с моделью ракетного автомобиля. Когда мы навещали после аварии Вовку в больнице, он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал переделать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили, как тараканы усами, зажатыми в зубах травинками и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью – за такое дело можно вылететь из отряда. Выдать Вовкину тайну было бы не по-товарищески. Но если Вовка опять строит ракетный двигатель, то может произойти несчастный случай, и его нельзя оставить одного.

За лесом заиграл горн. Это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

– Так как же? – спросил Андрюшка. Галка стряхнула соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того ни с сего разозлилась:

– Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!.. Андрюшка задумчиво проговорил:

– Почем ты знаешь? Многих изобретателей сначала считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андрюшка посмотрел на Галку своими большими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помогать Вовке. Я тоже был не прочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно все видеть и все испытать.

– Ну? – спросил я Галку. Галка набросилась на меня:

– "Ну, ну"! Вот если попадемся сегодня ночью, так уж... так уж я не виновата!

Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывается спать. Потом ждали еще полчаса, лежа в кроватях, пока лагерь уснет. Наконец мы осторожно выбрались из дому и встретились у реки, где у причала из двух досок стоял наш флот.

Галя и Андрей сели на "Марата", я занял "Аврору". Метров сто мы шли на шестах (боялись, что колеса наделают много шума), потом пустили в ход машины.

Медленно двигались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно пробиралась следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг чей-то голос в кустах на берегу тихо произнес:

– "Архимед"!

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно. Темно.

– "Архимед"! – тихо повторил Вовка.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок. Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег и привязали лодки к большой коряге.

На Вовке была надета бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в чулки, и большая теплая кепка.

– Спасибо, что пришли, – сказал он. – Пойдемте!

– Вовка! Чего ты еще выдумал? – зашипела Галка.

– Пойдемте! – повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой между огромных зарослей каких-то растений. Скоро мы поняли, что это крапива: Галка так взвизгнула, что в деревне за рекой собаки залаяли.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть крапиву, мы дошли до какого-то заброшенного сарая. Тут Грушин остановился.

– Чего ты еще выдумал, Вовка? – снова зашипела Галина и боязливо оглянулась.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

– Подводную лодку нового типа. Мы сразу повеселели: испытывать модель подводной лодки – это вам не ракетный двигатель!

– Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

– Ку... куда завинтить? – хрипло спросила Галина.

– В люк, – спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андрюшка. Он тихонько проговорил:

– Назвался груздем – полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Помещение было завалено всяким хламом. Валялись в куче инструменты и старые журналы: "Всемирный следопыт", "Мир приключений", "Вокруг света". В углу стоял примус без ножек, около него – паяльник. Два здоровенных паука торопливо подтягивались к потолку.

У стены почти во всю ее длину на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала небольшую байдарку. В носовой части ее возвышалась труба метра в три вышиной и сантиметра четыре в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а на борту красными буквами было написано: "Архимед".

Вовка объяснил нам ее устройство:

– Судно погружается на глубину двух метров... Двигается с помощью винта. Винт движется с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно может прицепиться к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная

лодка – за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а оттуда – хоть в океан! Галина спросила:

– А как же в ней сидеть?

– Сидеть? Сидеть и не нужно. Можно лежать.

– А как же дышать?

– Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать. – И Вовка указал на трубу.

Андрюшка потер ладонью лоб.

– Гм! Ну, а как же ты будешь спускаться и подниматься?

– Специальный резервуар, как в наст... ну, как в обыкновенной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду, чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен "Архимед" внутри:

– Вот резервуар для воды и воздушный компрессор. Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

– Вон там педали для винта, а это – иллюминаторы. – Вовка показал на вделанную в носу лодки пару очковых стекол. – А это карманный фонарик для освещения.

– Вовка, тут повернуться негде!

– Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка.

– Ну, а в перископ хорошо видно?

– Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно.

– Пора, – сказал Вовка. – Ну-ка, ребята, взяли!

– Чудак ты все-таки, Вовка! – проговорила Галина. Все четверо мы подняли лодку и чуть не уронили ее – такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу. Несли мы его медленно, с передышками, по темному заросшему оврагу. Вовка всю дорогу причитал:

– Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюшка слазил в бронебашню "Марата" и достал оттуда штатив, фотоаппарат и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск "Архимеда" на воду. Мы спустили сначала нос, потом налегли на корму. В ту же секунду чихнул Андрюшкин магний. "Архимед" сполз с берега и, слегка покачиваясь, стал рядом с "Авророй". Я тихо спросил:

– Вова, а здесь глубоко?

– Два с половиной метра. Я мерил.

– Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом, засучив штаны, бродил по воде и, фыркая магнием, снимал "Архимед" и Вовку на скамье "Марата".

Вовка пожал нам по очереди руки и сказал:

– Пора!

Он старался быть совершенно спокойным, но я-то видел, как дрожала у него правая коленка.

– Вов, – сказала Галка, – давай-ка мы обяжем Твоего "Архимеда" веревкой. В случае чего вытащим.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку "Архимеда" и стал влезать в него. Но, как только он сунул туда голову, "Архимед" качнулся, и Вовка чуть не

искупался. Тогда он велел нам привязать подводную лодку между "броненосцами" и, когда влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда "Архимеда" привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз туда, громко кряхтя. Там он перевернулся на спину и закрыл люк изнутри какой-то доской с дыркой в середине.

– Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку!

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой.

Мы исполнили приказание.

– Придержите крышку, пока я не завинчу гайку, – глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андрюшки в руках так и прыгал фотоаппарат. (К сожалению, карточки не вышли, потому что все снимки он сделал на одну пластинку.)

В иллюминаторе вспыхнул свет.

– Спускайте! – прогудело внутри "Архимеда".

Мы развязали веревки. "Архимед" очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как из воды остался торчать лишь кончик перископа.

Было совсем тихо. Мы сидели на своих "броненосцах" и смотрели, как маленькие пузырьки появляются в том месте, где погрузился "Архимед". Где-то очень глубоко, как нам казалось, дрожало светлое пятнышко: это был свет из иллюминаторов. Прошло минут пять. Андрей припал губами к концу перископа:

– Вовка, ну как?

Нас мороз пробрал по коже, когда мы услышали Вовкин голос из трубы – такой он был замогильный.

– Я достиг предельной глубины.

– Жив, значит! – вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

– Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

– Выкачиваю воду из резервуара. Подождали еще.

Начало светать.

– Уж два часа... – проговорил Андрюшка. Галина перебила его:

– Смотрите на перископ! Он сейчас полезет вверх!

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

– Вова, ну как?

Молчание.

– Вова-а! Слышишь! Как?

– Я уже все выкачал.

– Ну, и что же?

– Она не подымается.

– Почему?

– Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

– Как же теперь, Вовка?

– Не знаю.

– Вот говорила, говорила! – захныкала Галка. – Надо было его за веревку привязать. А теперь... Как вот теперь?

И вдруг Вовка озабоченным тоном сказал из трубы:

– На меня чего-то капает.

– Откуда капает?

– Из люка капает.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было: "Перископ!" – и схватился руками за трубу, но оттуда раздался испуганный Вовкин голос:

– Не смейте за перископ! Оторвется.

– Говорила, говорила! – хныкала Галка.

Вовка посоветовал:

– Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но "Архимед" слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

– Капает, Вовка?

– Капает! У меня уже здоровая лужа. Поскорей! – кричал Вовка из глубины.

– Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, – сказал Андрюшка.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В Вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Я измерил ее длину и решил, что хватит. Вернулся и сообщил свой план ребятам.

– Вовка, держи кишку! Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде! Мы просунули кишку в трубу.

– Галка, выкачивай!

Галина взяла в рот верхний конец и стала тянуть из кишки. Она трудилась изо всех сил, так что глаза у нее на лоб полезли, но вода почему-то не выкачивалась. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть "Архимеда" шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Вовка изредка справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

Уже почти совсем рассвело.

– Хватит! Ничего мы так не сделаем, – сказал я. – Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вовке не было страшно, а мы с Андреем взяли "Аврору" и, подняв два огромных столба брызг, накручивая изо всех сил колеса, помчались по оранжевой от восходящего солнца реке.

Я не помню, как мы доехали, только мы были все мокрые от пота.

Выскочив на берег, я зазвонил в колокол; Андрюшка бросился в дом, отчаянно крича. Из дверей, из всех окон стали выскакивать полуодетые, испуганные ребята и вожатые. Леля выбежала с одеялом на плечах. Я закричал:

– Скорее! Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно пять минут. Битком набитая "Аврора" неслась по реке. Каждый греб чем мог, помогая колесам. За ними сквозь заросли вдоль берега, ломая ветки, продирались весь лагерь.

По дороге я и Андрюшка сбивчиво рассказали, в чем дело, но никто нас толком не понял.

Вот и "Марат"… Спокойно застыл над водой конец перископа. На борту "Марата" сидит Галина, посасывает из кишки и горько плачет.

– Где Вовка? – спросила Леля.

– Тут… – указал Андрюшка под воду.

– Сколько времени?

– Да часа три уже.

Леля побледнела.

– Вовка, ты жив? – спросил я.

– Жив, – со дна речного ответил Вовка и добавил: – Холодно!

Ребята столпились у берега и, разинув рты, уставились на перископ.

И тут началась спасательная работа.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под "Архимеда". Остальные тыкали в воду баграми, засучив штаны, бродили в воде и подавали тысячи советов. Стоял галдеж, как на птичьем дворе во время кормежки. Наконец нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос подводной лодки. Они выбрались на берег продрогшие, измученные, но очень гордые.

Ребята посильнее принялись тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Человек восемьдесят смотрели, как подымается из воды труба перископа. И когда наконец появился зеленый верх "Архимеда", такое раздалось "ура", что казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия высунулась сначала одна нога, потом другая, затем медленно появилась Вовкина спина, затем плечи и голова.

Изобретатель был бледен и лязгал зубами от холода, но важности у него хватило бы на двадцать капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там его переодели и стали согревать чаем. Мы в это время чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы поняли: будет крупный разговор.

Огромная толпа ребят окружила Вовку, пока он пил чай, глазела на него и засыпала вопросами:

– Сколько времени ты строил свою лодку?

– А как ты ее рассчитывал?

– Никак. Построил, да и все.

– Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

– Ну конечно, не рассчитал! – сказал кто-то из старших ребят. – Не рассчитал соотношения между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Кацман и прижался носом к краю стола:

– А что, Архимед – это рыба такая?

Изобретатель презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чаю, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

– "Рыба"! Чудак ты! Это полководец!

Вот все, что я могу рассказать об "Архимеде" Вовки Грушина.